

БАЛТИЙСКИЕ МАТРОСЫ НА ЮЖНЫХ ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1920 ГОД.

Три рассказа

1. ТЕЛЕГРАММА

Июнь. 1920 год. Нижний Новгород. Ранним утром, когда за Волгой небо стало только розоветь, по тихим, ещё сонным улицам города, с оркестром во главе, в такт музыке, отбивая шаг, шёл отряд матросов Нижегородского флотского экипажа Волжской военной флотилии, сформированный из Балтийских моряков. Отряд шёл на вокзал железной дороги. Военным морякам предстоял путь на южный Врангелевский фронт. Когда колонна повернула с улицы к спуску, ведущему на плашкоутный мост через реку Оку, стоящий у моста речной буксир вдруг загудел своим басовитым голосом; ему сразу же стали вторить все пароходы, стоящие на рейде и у пристаней города; включился в общий хор и Сормовский завод. И заплакала, и загудела разноголосыми гудками Волга, прощаясь, провожая нас, военных моряков, на фронт. Оркестр отряда перестал играть. Видно было, как со всех пароходов люди прощались с нами, махали нам руками, платками.

Мы отвечали им тем же, взмахивая своими, издавшими виды поношенными бескозырками с развивающимися лентами, на которых золотым, потемневшем от времени, тиснением ещё сохранились гордые имена боевых кораблей, на которых служили и плавали матросы до революции.

С прибытием на вокзал моряков уже ожидал подготовленный эшелон. Отряд был построен, разбит по вагонам. Прозвучал сигнал горниста – «Слушайте все!», а затем последовала команда – «По вагонам!». Никаких церемоний и проводов в этот ранний час на вокзале не было.

Официально нас проводили городские власти накануне. На площади у Кремля после митинга, в торжественной обстановке, представители Горкома и Обкома РКП (б) вручили тысячному отряду военных моряков Красное знамя, на котором с одной стороны была вышита золотом такая надпись: «Товарищи матросы – скитальцы морей! Вы шквал и буря революции! Меч и защита её! Вперёд на Врангеля!»

Как водится, на железной дороге, отзвонил колокол положенные три удара, прогудел паровоз, звякнули буфера и застучали колёса по рельсам. Поехали, покатили мы в сияние голубого дня – в наше неизвестное будущее. «Прощай, Волга! Прощай, славный город Нижний!»

Через сутки наш эшелон прибыл в Москву. К нашему эшелону прицепили два вагона боеприпасов и, что самое удивительное, выдали всему личному составу отряда необходимые предметы обмундирования, причём ни какое-нибудь, а настоящее, флотское! По этому поводу матросы радовались, как дети, своей обновке. Отряд сразу же внешне преобразился настолько, что мы друг друга не узнавали в празднично красивой новой одежде, неизменно любимой матросами всех флотов.

Всё это было так кстати, так как флотскую форму одежды, более или менее в полном комплекте, вот уже несколько лет мы не имели на своих плечах.

Наш эшелон шёл по назначению на юг. Поезд шёл и шёл... Люди отряда ехали на фронт не очень сытыми, питание в те времена было более чем скромным, но это не мешало матросам быть бодрыми и весёлыми. В каждом вагоне с утра до позднего вечера звучала гармошка, гремели песни и пляски. Среди матросов много находилось отчаянных заводил, плясунов и певцов, которые готовы были хоть сутки петь и плясать, да ещё с каким великим воодушевляющим мастерством! Одним словом, матросы веселились, предаваясь в своё удовольствие «ничегонеделанию», и не думали о войне.

На одной из железнодорожных станций, если мне не изменяет память, кажется, она называлась Лаптево, на наш отряд моряков навалилось

тяжкое неотвратимое несчастье. Произошёл неприятный инцидент, последствия которого могли бы закончиться трагично, но не будем опережать события. Давайте всё по порядку.

Когда наш эшелон прибыл на станцию Лаптево, матросы повыскакивали из вагонов и направились по своим делам: кто за кипятком, кто просто размяться и побалагурить с товарищами из других вагонов. К одной группе смеющихся и разговаривающих матросов подошли два пожилых сильно истощённых человека, по виду рабочие. Они обратились к матросам и показали им свои документы. Матросы обступили их, и группа стала постепенно обрастать и увеличиваться в размере за счёт любопытствующих. Вскоре из недр растущей толпы стали раздаваться громкие проклятия и возгласы: «Вот сукины сыны! Что делают тыловые крысы, воюют с бабами и стариками! Ничего, почтенные, мы сейчас наведём порядок. Привьём им чувство революционной законности. Ведите, товарищи, показывайте, где ваш вагон!» - это уже обращение к рабочим.

Действительно двое пожилых усталых людей оказались по документам рабочими одного из Питерских заводов. Как явствовало из документов, заводской комитет поручил им закупить хлеб на Украине, погрузить и сопровождать вагон с хлебом до Петрограда. Хлеб предназначался для Питерских детей.

На приобретение хлеба и провоз его по железной дороге у рабочих имелись соответствующие мандаты.

В силу своей крайней нужды рабочие обратились к матросам с жалобой на продзаградотряд станции Лаптево. Сущность жалобы заключалась в том, что по распоряжению комиссара продовольственно-заградительного отряда вагон с хлебом для Питерских детей был отцеплен от поезда и поставлен в тупик. Сопровождающих рабочих из вагона выгнали, а вагон опечатали, и приказано было красноармейцам-часовым рабочим к вагону не подпускать. Рабочие пытались как-то бороться, доказать своё право на вагон с хлебом для Петрограда, но в течение нескольких дней не могли добиться никакого толку.

Рабочие голодали и пребывали в полной безнадёжности.

Весть о сложившейся ситуации с вагоном хлеба для голодающих детей Петрограда быстро облетела все вагоны нашего эшелона и крайне взволновала всех балтийских матросов. Шутки, смех и веселье прекратились, теперь вагоны сотрясали страшные ругательства и проклятья с упоминанием всех небесных возможных и невозможных канцелярий. И все эти заклинания шли в адрес продовольственного заградотряда.

В это время на станцию Лаптево прибыл поезд с юга.

Немедленно образовалась по своей инициативе группа человек в сто матросов, которая без оружия во главе с двумя рабочими пошла на запасные пути, где стоял вагон с хлебом. Матросы решили вывести вагон из тупика и прицепить его в хвост прибывшему поезду, следующему на Москву.

Спустя некоторое время со стороны, куда ушли наши матросы, раздалось несколько одиночных выстрелов, и поднялся большой шум, свист, крики, напоминающие «Ура!». Причём шум перемещался к станционному посёлку. На станции среди людей поднялась паника, железнодорожные пути и сама станция в один миг опустели. Пассажиры, пришедшего поезда с юга, бросились по вагонам. Поезд дал гудки и ушёл на Север. На станции стало вдруг необычно тихо и безлюдно.

Возвращались наши товарищи матросы со стороны станционного посёлка, то есть совсем с другой стороны от железнодорожного тупика, куда они первоначально ушли.

Матросы были сильно возбуждены и незлобиво ругались, смеялись, некоторые из них имели лёгкие ранения и ушибы.

Как выяснилось из рассказов пришедших, матросы, придя в тупик, где стояли несколько опечатанных вагонов, и среди них был и Петроградский вагон, расцепили вагоны и стали раскатывать их с целью вывести нужный вагон. В этот момент появился комиссар продовольственного заградотряда с несколькими вооружёнными красноармейцами. Комиссар громким голосом решительно потребовал прекратить «безобразие», на что матросы,

посмеиваясь, ему отвечали, что они стараются изо всех сил прекратить безобразие, творимое на станции Лаптево, и восстановить законность. На реплику матросов последовал со стороны комиссара ряд резких выпадов с угрозами. Тогда матросы перестали катать вагоны, подошли к комиссару и красноармейцам и стали вначале вести вежливую дискуссию на предмет немедленной отправки вагона с хлебом для голодающих детей Петрограда. Дискуссия не привела ни к чему. Комиссар оказался твёрдым орешком, властным человеком, он и слушать не хотел никаких доводов. На предъявленные Петроградскими рабочими мандаты даже не взглянул, а рабочим твёрдо пообещал арестовать их, как только уйдёт эшелон с «балтийской матроснёй». Одним словом, переговоры зашли в тупик и закончились обменом далеко не вежливыми эпитетами. Матросы плюнули, махнув рукой на все угрозы комиссара, и принялись вновь раскатывать вагоны. Тогда комиссар скомандовал своим красноармейцам: «В ружьё!», и сам вынул пистолет из кобуры.

Достаточно было прозвучать этой команде, как матросы стремительным броском кинулись на красноармейцев. Раздалось несколько выстрелов. Комиссар тоже выстрелил из нагана и прострелил одному из матросов ухо и обжёг выстрелом щёку. В следующее мгновение красноармейцы были разоружены, а комиссар, сильно помятый, без чувств, лежал на земле. Матросы некоторое время в недоумении постояли около лежащего на земле комиссара, подозвали перепуганных красноармейцев и возвратили им винтовки, предварительно разрядив их и сняв штыки. Вручая винтовки, один из матросов обратился к красноармейцам с краткой речью: «Ну, вы, орлы боевые, - помедлил и добавил, - из курятника! Следующий раз винтарями зря не балуй, не для того они вам даны! Забирайте свои самопалы и зараз своего комиссара, пока он дуба не дал, и пошли к чёртовой матери с глаз долой!» Но на этом дело ещё не закончилось.

От посёлка, через железнодорожные пути бежали развёрнутой цепочкой красноармейцы с винтовками в руках, спешили на выручку своего комиссара.

Увидев их, матросы от удивления сначала опешили, а потом дружно с криками «Ура!», со свистом бросились на встречу наступающим.

Полученные результаты от всей истории с вагоном не внушали никакой бодрости.

Заградительный отряд красноармейцев оказался полностью обезоруженным. Обе стороны имели некоторое количество легко раненых, пожалуй, больше всех досталось битому крепкими кулаками комиссару; а в общем, на обеих враждующих сторонах все были живы и здоровы. Царапины и шишки не в счёт. Винтовки и пулемёты матросы возвратили по принадлежности заградительному отряду станции Лаптево сразу же после побоища, и обе стороны мирно разошлись. Вагон с хлебом, из-за которого сыр-бор разгорелся, остался на станции Лаптево. Этот факт был крайне неприятен матросам, и самая главная неприятность заключалась в том, что по всем видимым данным круто заваренную нами кашу нам же самим придётся расхлёбывать.

Развивающиеся события не заставили себя долго ждать. Прошло полчаса - никаких видимых перемен не произошло. На станции и железнодорожных путях по-прежнему царила тишина. Матросы понемногу стали успокаиваться и думать, как всё-таки отправить вагон с хлебом в Петроград.

Нашего командира отряда вызвали на станцию к телеграфному аппарату на прямой провод.

Наш командир, Вавилин, любимец матросов, сам матрос Балтийского флота, кочегарный унтер-офицер. Служил он на линкоре, кажется, «Андрей Первозванный», или на «Павел Первый». Вавилин, отправляясь на вокзал, захватил с собой одного матроса из партийной ячейки.

Вскоре они вернулись в эшелон сильно встревоженными. И вот, что командир сообщил нам. Первые слова, с которыми он обратился к нам, были: «Доигрались, черти полосатые!» и дальше прочёл телеграмму Троцкого, содержание которой потрясло каждого из нас. И было от чего взволноваться.

В телеграмме сообщалось, что наш отряд военных моряков за разгром продовольственного заградительного отряда на станции Лаптево объявляется вне закона. Нам, матросам, предписывалось, - с прибытием на станцию Лаптево воинских эшелонов, всё имеющееся у нас оружие, боеприпасы, знамёна сдать прибывшим воинским частям. Подробности и дальнейшие указания получим непосредственно от особо уполномоченных командиров по прибытии их на место происшествия, на станцию Лаптево.

Содержание телеграммы матросы выслушали от начала до конца, затаив дыхание, в полном молчании. А затем, после минутной паузы, произошёл взрыв всеобщего негодования на чудовищную несправедливость. Каждый из нас стал изливать свои чувства и гнев друг перед другом в полный голос и все вместе, хором. Шум поднялся страшный.

Пока мы шумели и митинговали по случаю свалившегося на наши головы несчастья, тем временем к станции Лаптево с юга и с Севера стали подходить эшелоны с войсками. Первым подошёл с юга бронепоезд и остановился в полукилометре от станции. За ним прибыл эшелон с пехотой, которая тотчас энергично выгрузилась и заняла позиции, оцепив станцию с юга. Позднее прибыли ещё два эшелона с севера и приступили к выгрузке пехоты и конницы. Мы, матросы, молча пристально смотрели на грозные приготовления прибывших войск, не веря своим собственным глазам, что вся эта сила готовится против нас.

Восемь военных верхоконных прискакали на вокзал и потребовали нашего командира и комиссара на переговоры. Вавилин и матрос, исполняющий обязанности комиссара, и ещё двое матросов коммунистов вчетвером отправились на вокзал на переговоры. Наша делегация с переговоров вернулась быстро, в мрачном, подавленном настроении. Вавилин сообщил нам приказ командиров, прибывших воинских частей, которые требовали следующее: отряду моряков покинуть вагоны, захватив с собой личные вещи, всё оружие сложить на станционной платформе. Самому отряду построиться в поле в две шеренги в указанном месте. На сборы и выполнение приказа дан

срок 2 часа. В случае отказа выполнить приказ по морякам будет открыт огонь. Вавилин завершил своё сообщение, обращаясь к нам: «Братва, придётся выполнить приказ, иначе нас перестреляют, как зайцев, - и, повысив голос, скомандовал, - пошли все по вагонам, забирай вещи, выходи сдавать оружие на платформу!»

Но никто не двинулся выполнять приказ. Среди матросов страсти вновь разгорелись. Поднялся шум, посыпались проклятья. Какой-то черноусый матрос из широко открытых дверей теплушки, как с трибуны, стал бросать в взволнованную толпу матросов слова: «Товарищи! Как же это выходит, сдавать оружие нам, революционным матросам?! Что же это получается? Нас ещё на кораблях царского флота преследовали, судили, расстреливали за революционные настроения! Мы, матросы, с первых дней революции в тылу и на всех фронтах гражданской войны не щадили ни себя, ни своей жизни в борьбе с врагами революции! И сейчас едем не домой, а на фронт. Нас же, революционных матросов, Троцкий объявил вне закона и как предателей революции, как контру, собирается здесь сейчас разоружить и в распыл пустить!» Матрос закончил свою речь словами: «Я спрашиваю вас, братва, где же правда?»

Последние слова его заглушили крики: «К оружию! Даёшь патроны!»

К слову сказать, все наши боеприпасы были в двух запломбированных вагонах, прицепленных в Москве к нашему эшелону.

Люди бросились сразу же к вагонам с боеприпасами. Вавилин и несколько матросов заслонили собой вагоны. Командир, широко расставив руки, решительно обратился к матросам: «Товарищи, братки, образумимся, не делайте этого, патронов я вам не дам! Вы их возьмёте только через мой труп!». Матросы в сильном гневе, возбуждённые, отвечали ему: «Да на кой чёрт нам твой труп, нам патроны нужны! Нас будут расстреливать, пойми же ты, командир! А мы что же должны смотреть на всё это? Посторонись-ка, друг, не мешай делать дело, всё равно умирать!»

В эту критическую минуту вдруг раздался резкий голос: «Товарищи! Стоп! Внимание! Братва, есть выход без драки! Предлагаю послать телеграмму товарищу Ленину».

Шум сразу стал стихать. Многие не поняли, не расслышали и спрашивали у товарищей: «Что он сказал?». И когда до всех дошёл смысл сказанного, напряжение спало, настроение резко изменилось от воинственного к деловому. Сразу же матросы в один голос выразили своё полное согласие с выдвинутым предложением четырьмя словами: «Даёшь телеграмму товарищу Ленину!»

Телеграмму быстро составили и написали. Телеграмма содержала в себе, помимо краткого описания конфликта на станции Лаптево и признания некоторых своих ошибок, основную мысль – как Владимир Ильич Ленин, оценив наше поведение, решит, так тому и быть.

Телеграмма была прочитана и с общего единодушного одобрения отправлена в Москву, в Кремль, В.И. Ленину.

После чего моряки все убралась в вагоны и не стали больше обращать внимание на приготовление воинских частей в поле.

В нашем вагоне наступила напряженная тишина ожидания. Матросы почти не разговаривали друг с другом, только усиленно курили, думали про себя не весёлые думы и ждали.

Время, казалось, остановилось. Мы тревожно ждали возвращения нашего командования с телеграфа станции. Прошло около часа, а может быть, и больше, и наша четвёрка – Вавилин, комиссар и два матроса – появились около эшелона.

Шли они неторопливо, очень серьёзные, с какой-то сосредоточенной торжественностью. Матросы распахивали теплушки, ничего не спрашивая, только пожирали глазами идущих. Также неторопливо Вавилин рукой подозвал горниста, приказав ему: «Давай сигнал «Большой сбор!»

Горнист сыграл сигнал «большой сбор». Матросы очень быстро стали выскакивать из вагонов и строиться в общий строй в две шеренги, как

бывало, они привыкли делать по большому сбору на боевых кораблях.

Скомандовав «Смирно!», Вавилин подал телеграмму комиссару, сказав ему: «Читай погромче, чтобы все слышали!»

Телеграмма была краткой. Но содержание её удивило и поразило нас в самое сердце. Смысл её состоял в том, что нас ни в чём не обвиняли, нам не грозили, ничего от нас не требовали, даже нас не упрекали. А наоборот нам оказывали доверие и верили в то, что отряд моряков на фронте будет иметь возможность не раз доказать свою преданность революции и Советской власти. Инцидент сочли исчерпанным. Заботу о доставке вагона с хлебом детям в Петроград власти берут на себя. Заканчивалась телеграмма пожеланием доброго пути и боевых успехов на фронте. И подпись – «В.И. Ленин».

Ответом на прочитанную телеграмму было оглушительное «Ура!», «Товарищу Ленину, Ура! Ура!» ... - гремело вдоль фронта моряков. Бескозырки полетели в воздух, матросы бурно выражали свой восторг, выкрикивая здравицы: «Да здравствует товарищ Ленин», «Ура!», «Да здравствует Советская власть! Ура!». Спели интернационал. И долго ещё не могли угомониться матросы. В вагонах эшелона шли бесконечные восторженные разговоры и ликования по поводу полученной телеграммы. Бронепоезд с воинскими частями в этот же день ушёл на север. Вагон с хлебом для детей Питера прицепили к их эшелону.

А наш эшелон от станции Лаптево довольно быстро стал продвигаться на юг, и на четвёртые сутки прибыл благополучно к месту назначения.

2. ЧЕРНОМОРСКИЙ ПОЛК

В городе Мариуполе в 1920 году из прибывших из разных мест отрядов моряков была сформирована «Морская экспедиционная дивизия» под командованием П.И. Смирнова. Пять полков: «Кронштадтский»,

«Беломорский», «Днепровский», «Каспийский» и наш «Нижегородский» флотского экипажа Волжской военной флотилии, получивший название «Черноморский полк». Командиром полка остался Вавилин. Весь остальной командный состав был назначен из матросов, имеющих боевой опыт в командовании взводами и ротами. Вместе с небольшим пополнением бойцов-матросов к нам в полк прибыли начальник штаба полка, комиссар полка с женой – врачом-хирургом и три медицинские сестры.

С первых дней существования дивизии в полках началась боевая подготовка. Нас, моряков, ускоренными темпами натаскивали и обучали всем премудростям сухопутной тактики ведения боя в наступлении и в обороне. Особый упор был сделан на отработку тактики боя с кавалерией и на оборону от массовых кавалерийских атак путём построения подвижных батальонных ротных колонн.

Военные моряки, про себя вспоминая не добрым словом всех святых угодников со всей их роднёй, проклиная жару, духоту и пылицу Мариупольских степей, бегали по полю под горячими лучами солнца, ложились, строились в ротные батальонные колонны, рассыпались в цепь, но науку, как воевать на суше, все же осваивали и запоминали с пользой для себя. В дивизии командиры полков, батальонов, рот, взводов, назначенные из матросов, пользовались неизменным доверием и расположением всей массы военных моряков, но что касается их знаний военно-сухопутного дела и навыков в командовании своими подразделениями, моряки оценивали весьма реально. Тем не менее, авторитет своих матросских командиров поддерживали. В полках дивизии была крепкая, сознательная дисциплина и традиционная флотская братская спайка.

Здесь были люди с жизненным опытом и некоторыми практическими военными сухопутными знаниями, приобретёнными на фронтах в годы Германской войны. Были у нас и отличные инструктора, начальники штабов полков. Я не могу сказать, как обстояло дело в других полках на этот счёт, но в нашем Черноморском полку начальник штаба полка был человек

немолодой, бывший кадровый армейский боевой офицер царской армии. Матросы про него с уважением говорили: «Старый вояка. Германскую войну всю от корки до корки отломал на передовой в пехоте. Здорово знает своё дело. Одним словом, «гвоздь» и старый окопный «волк»! На матросском языке это была высокая оценка и доверие.

Так вот «гвоздь» и этот старый окопный «волк» хорошо взялся за дело. Весь полковой командный состав, начиная с командира полка и до комвзвода, он основательно накачивал и передавал им свой опыт, знания и навыки, которые абсолютно необходимы на войне в бою.

После очередной накачки наши командиры с усердием наваливались на нас, рядовых бойцов, всей своей тяжестью авторитета и принимались обучать нас, матросов, до десятого пота, причём обучали тому, что только что сами усвоили. И так изо дня в день шла напряжённая боевая подготовка полка. Дивизия готовилась к предстоящим боям.

По мере того, как полк вырос в смысле своей боевой подготовки и становился сплочённой боевой частью, произошли изменения и во внешнем облике людей полка. Каждый боец постоянно был при оружии. Помимо винтовки, имел 4 гранаты и 250 патронов, которые размещались в парусиновых патронажах – один патронаж у пояса, второй через плечо на груди. Многие военные моряки имели свои личные пистолеты, револьверы – боевые трофеи, приобретённые в боях с белогвардейцами за годы гражданской войны. Трофейное оружие среди моряков дивизии было предметом высокой гордости и вожделения каждого матроса. Владельцы оружия, завоёванного в бою, носили его с гордостью на виду, у пояса в кобуре.

Бойцов же, обвешанных и обмотанных, упакованных пулемётными лентами крест на крест, как принято в наше время традиционно изображать на кинолентах матросов гражданской войны, в те далёкие двадцатые годы среди матросов морской дивизии не было, не находилось таких чудачков

обвешиваться пулемётными лентами, это считалось непрактичным и бессмысленным.

Наш командир полка Вавилов тоже изменил свой внешний облик: к неизменному маузеру, подвешенному на ремне через плечо, стал носить командирскую сумку с планшетом и бинокль. Флотскую фуражку Вавилин поменял на небольшую из серого каракуля кубанку с красным донышком и, несмотря на странное смешение флотской формы с кавалерийским головным убором, выглядел, как нельзя лучше – кубанка к его светлым усам и мужественному лицу пришлась кстати.

Комполка в кубанке своим видом стал выделяться среди масс матросов, его уже нельзя было спутать с рядовым бойцом.

Полковые шутники сразу же подметили изменения привычного вида командира. Заводилы, вроде матроса по прозвищу Елеси Волгаря, и другие отчаянные головушки, плясуны и музыканты, быстро сочинили песню и положили слова на музыку. В часы досуга певцы лихо распевали под гармонь и гитару новую песню на мотив «Самарские частушки», воспевая своего командира и его кубанку с красным верхом.

Первые строки песни звучали так:

«Да возрадуйся, плешивый, над тобою благодать,
Красная кубанка...»

И так далее и тому подобное.

Мирная жизнь и повседневная боевая подготовка дивизии внезапно была прервана. 19 августа в полках морской дивизии стало известно, что большой десант белых, под начальством генерала Сергея Георгиевича Улагая, высадился на кубанском берегу, у станции «Приморско-Ахтырская».

На следующий день, рано утром, в Мариупольском порту наша морская дивизия стала грузиться на баржи, суда, буксиры для переброски морем из Мариуполя на Кубань.

К 16 часам суда с десантом полков морской экспедиционной дивизии в сопровождении сторожевых катеров Азовской военной флотилии вышли в море и взяли курс на юг, к косе Долгая на кубанском берегу.

Корабли Азовской военной флотилии в полном составе ещё два дня тому назад покинули порт Мариуполя и уже пребывали в море, осуществляя прикрытие и охрану нашего конвоя с десантом от боевых кораблей флота Врангеля, который всё ещё оставался в Азовском море.

К заходу солнца наш конвой достиг косы Долгая и лёг на курс Юго-Восток, к Бейчуганскому лиману – пункту у станции Камышеватская, намеченного для высадки нашего красного, морского десанта в тыл к белогвардейскому десанту генерала С.Г. Улагая.

Дневное светило зашло за горизонт, угас последний солнечный луч на Западе, и наступила тёплая, тихая августовская ночь. В море был полный штиль. Вода, как зеркало, отражала звёзды небосвода. Движение наших судов было очень медленное – не более 4-5 узлов. Порой казалось, что мы стоим на месте, и только плавно расходящиеся небольшие складки волн от форштевней судов слабо шумели у бортов, подтверждая наше движение вперёд. Звуки с соседних судов были хорошо слышны нам.

После напряженного труда погрузки на баржи и суда в Мариупольском порту, после насыщенного пылью жаркого дня матросы на судах наслаждались отдыхом, дышали чистым прохладным влажным воздухом моря с его приятным неповторимым запахом морской воды.

Матросы сидели, лежали на палубах судов, покуривали и вели спокойные, вполголоса, бесконечные беседы на любимые темы о морях, флотах, о кораблях, на которых служили, о плаваниях, которые совершали, и, одновременно, любовались на ночное небо и море. Море, которого давно не видели, и, что скрывать, матросы по морю всегда тосковали в теплушках, на грязных вокзалах, в сырых окопах, одним словом, везде и всегда, где бы их ни носила гражданская война. А теперь отводили душу, глядя на свою любимую, всегда прекрасную стихию моря.

На одной из соседних барж матросы, любители вокала, организовали квартет и под гитару и балалайку великолепно исполнили «Ноченьку» -

Ах ты, ноченька, ночка темная,
Ночка темная, да ночь осенняя.
Что ж ты, ноченька, притуманилась,
Что ж, осенняя, принахмурилась?
Али нет у тебя ясна месяца,
Али нет у тебя ярких звездочек?
Что ж ты, девица, притуманилась,
Что ж ты, красная, припечалилась?
Али нет у тебя отца-матери,
Али нет у тебя друга милого?..

Время от времени на юге в чёрно-синей дали, на горизонте мы наблюдали сполохи на небе, и до нас доходил далёкий гром орудийных выстрелов, но это нас нисколько не беспокоило и не нарушало установившегося поэтического настроения.

Позднее выяснилась причина артиллерийской канонады: корабли Азовской флотилии имели встречи с кораблями флота Врангеля и обменивались с ними орудийными залпами.

21 августа в час ночи красный морской десант подошёл к пустынному обрывистому берегу в районе станицы Камышеватской. Море в этом месте очень мелкое, поэтому баржи с десантом остановились далеко от берега. Полки военных моряков стали выгружаться прямо в воду. Вода доходила людям по грудь, по пояс. Матросы держали оружие над головой и шли к берегу. На берегу полки строились в походные колонны и уходили к станции Ясенская. Суда и баржи, как только освобождались от людей, тотчас же уходили на север в порт Ейск.

Черноморскому полку была поставлена задача - осуществлять охрану и береговую оборону берега в районе высадки полков десанта, одновременно выгрузить боеприпасы дивизии на берег, оказать помощь людям артиллерийского дивизиона - выкатить из воды полевые орудия на берег. Всю операцию с разгрузкой закончить к восходу солнца, то есть к 5 часам утра. Причина сжатого срока разгрузки судов заключалась в том, что всё ещё существовала реальная опасность артиллерийского обстрела кораблями противника в районе нашей высадки.

Черноморский полк приступил к выполнению поставленной задачи. Второй и третий батальоны включились в разгрузку боеприпасов. Первый батальон непосредственно выполнял наблюдения за морем и охраной района высадки.

Работа по разгрузке боеприпасов оказалась нелёгкой, по пояс в воде мы таскали на себе ящики с патронами, снарядами, но скоро приноровились и приспособили плоты, сбитые из сходов и подручного древесного материала, и дело пошло значительно продуктивнее, а главное быстрее. Так или иначе, свою задачу по выгрузке боеприпасов с барж мы выполнили. Последний буксир с баржей ушёл на север с восходом солнца. Артиллерийский дивизион, собрав в море на мелководье и на пляже разбежавшихся лошадей, взял оружие «на передки» и рысью отбыл в станицу Ясенскую.

Наши два батальона продолжали трудиться, перетаскивая патроны и снарядные ящики с пляжа на обрывистый берег и укладывая их в штабеля в неглубокой балке. К концу нашей работы к нам пожаловали «гости» с моря – Врангелевские корабли – канонерская лодка и два миноносца. Корабли держались далеко в море, видимо, просматривали берег. Противник, вероятно, знал о высадке десанта и ожидал встретить большое число судов и выгружающиеся на берег воинские части, но не обнаружил ни судов, ни воинских частей, наблюдая только пустынный берег и больше ничего.

Наш боезапас противник не мог видеть, так как боезапас был уже сложен в балке вне видимости с моря. Корабли белых, сделав на всякий

случай несколько выстрелов наудачу по берегу в сторону станицы Камышеватской в надежде, что ответные наши действия обнаружат наше присутствие. Но наш берег молчал, и корабли противника удалились за горизонт ни с чем.

Прошло полдня. Полк продолжал нести охрану берега. Начальник дивизии за это время сумел организовать и перебросить на местном конном транспорте весь боезапас к станице Ясенская – основной пункт сосредоточения морской дивизии. Наш Черноморский полк получил приказ выступать ускоренным маршем, выйти к станице Брыньково и занять её.

Днём 22 августа Черноморский полк занял станицу. В станице не оказалось ни белых, ни красных частей, но поле у станицы Брыньково свидетельствовало, что здесь прогремели совсем недавно ожесточённые бои. Поле на большом пространстве было изрыто индивидуальными окопчиками и усеяно массой трупов людей, причём, как бывало в обычае ведения войны в те времена, трупы бойцов были все без сапог и раздеты до белья, так что не было возможности разобраться, где свой, где враг. Смерть всех уравнила. Стало совершенно очевидным, что нашему полку боевого дела здесь нет. Пробыв в станице Брыньково несколько часов, полк получил указание следовать к станице Ахтырская.

Теперь несколько слов о том, как нас, моряков, встретило население станицы, которое состояло в основном из женщин, детей и стариков. Бойцы-казаки были на фронтах. До прихода нашего полка неизвестные мерзавцы-provокаторы пустили «утку», напугав население на смерть, - «Вот, мол, скоро придут матросы, они-то и покажут вам, где раки зимуют, всех вчистую убивать будут, жечь и грабить».

При вступлении полка в станицу, на улицах была полная тишина и ни одной живой души, а перед этим наша разведка видела, что улицы были многолюдны. К нашему приходу население всё попряталось в домах. На стук наших квартирьеров одни отвечали плачем и мольбой пощадить их, не убивать. Другие сыпали на наши головы проклятия от Бога и от своего

имени. Матросы ничего не могли понять и были удивлены такой встречей. Стоило ни мало труда нам, чтобы убедить население, что мы не звери и ничего плохого им не сделаем. Отдохнём немного и марш-марш дальше. Понемногу осторожно успокоили людей. К нам стали приглядываться, прислушиваться и, наконец, население убедилось, что им ничто не грозит – ни их жизни, ни имуществу. Нас, моряков, стали встречать как желанных гостей в каждом доме, всячески проявляя заботу. Мы тоже не оставались в долгу, щедро одаривая всем, чем могли. Матросский полк внёс в станицу дух спокойной уверенности в завтрашнем дне.

22 августа Азовская военная флотилия подошла внезапно для противника к станции Приморско-Ахтырская и стала громить его сразу артиллерийским огнём. Удар с моря был согласован с ударами на сухопутном фронте. В результате общих усилий войска генерала С.Г. Улагая, в панике бросив Приморско-Ахтырскую свою базу со всем имуществом, бежали. Боевые части белогвардейцев были разбиты.

7 сентября 1920 года боевые действия на Кубани полностью закончились. Полки морской экспедиционной дивизии возвратились через порт в Ейске к месту своего базирования, в порт Мариуполь.

3. НЕРАВНЫЙ БОЙ. ГИБЕЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОЛКА

По возвращении из десантной операции в город Мариуполь моряков дивизии ждала новость. Была произведена смена командиров дивизий, вместо Смирнова П.И. в командование морской экспедиционной дивизией вступил И. Кожанов.

(здесь есть какой-то пропущенный кусок, помеченный в рукописи, но не найденный мной)

Морская экспедиционная дивизия недолго пребывала в бездействии. Ежедневные сводки с Врангелевского фронта приносили грозные вести. Войска Врангеля энергично наступали широким фронтом. В ночь на 16 сентября 1920 года по боевой тревоге полки морской дивизии выступили походным порядком по разным дорогам на фронт. Насколько грозной и напряжённой сложилась обстановка в ту пору на фронте, видно из следующего факта.

Перед выступлением полков на фронт, нам было объявлено в приказе о том, что впереди морской дивизии боевых частей Красной Армии нет, значит - впереди пустота, а потому весьма вероятно следует ожидать встречи с противником в любое время. Встреча с противником в любое время суток и на любом участке пути движения к фронту была очевидной и как вывод из обстановки – требование повысить бдительность и боеготовность на марше. После того, как морская дивизия покинула постоянное место своего базирования – пригороды и сёла вокруг города Мариуполя, полки разошлись своими дорогами к фронту, и с этого момента полки больше никогда не встречались и друг друга не видели.

Наш Черноморский полк шёл к месту своей дислокации на фронте с боевым охранением и разведкой. Батальонные колонны строго сохраняли интервал между собой на всякий случай внезапного развёртывания полка для встречного боя с противником.

Первый день марша прошёл в томительном ожидании встречи. Матросы были сосредоточены и молчаливы. После короткой ночёвки в поле рано утром на следующие сутки полк продолжал шагать в том же порядке, однако в батальонах матросам надоело хмурое молчание, и они стали с разрешения своих комбатов развлекаться, кто как мог: петь, играть на музыкальных инструментах и даже плясать, насколько возможно это делать на ходу. Над полем вместе с пылью стал разноситься оживлённый говор, смех, шум, песни, музыка. Война для матросов как бы на время отошла на

второй план. Только боевое охранение и разведка делали своё дело – несли бдительно боевую службу.

На подходе к селу Андреевка седьмая рота из боевого охранения получила приказ командира полка произвести разведку села и его окрестностей. Выполняя приказ, седьмая рота, войдя в село Андреевку, внезапно столкнулась с разведывательной сотней врангелевцев. Произошёл скоротечный бой, в результате ожесточённой перестрелки и пулемётного огня, было несколько казаков ранено и три убито. В нашей седьмой роте были легко ранены два матроса. Сотня белоказakov вырвалась из села, галопом понеслась в поле и скрылась за дальними холмами.

Рота остановилась в селе Андреевка, установила наблюдение за дорогами и стала производить разведку окрестностей села. Второй взвод был послан командиром роты в полк для доклада о встрече с противником. Второй взвод возвратился в полк на крестьянских подводах и обнаружил свой полк развёрнутым по-боевому. Оказывается, звук боя – ожесточённая перестрелка седьмой роты с сотней белоказakov в селе Андреевка на расстоянии произвела впечатление в полку, все узнали, что посланная в разведку рота моряков столкнулась с крупной войсковой частью противника. Когда всё выяснилось, все были очень рады, что седьмая рота цела и свою задачу выполняет. Нас, матросов из второго взвода, товарищи однополчане буквально заугощали табаком в знак уважения и братского расположения к нам – представителям седьмой роты.

К вечеру Черноморский полк вошёл в село Андреевка. Население этого большого села оказало нам добрый приём. Встречали нас, матросов, как родных, щедро угощали квасом, салом и другими яствами, за что мы, бойцы, от души были населению благодарны.

Село Андреевка расположено с северной стороны у подошвы высокой гряды холмов. Через село проходит дорога на юго-запад и на восток. Склоны холмов и припольная сторона села утопали в садах, на гребнях холмов стояло

несколько ветряных мельниц. Ночью батальоны полка заняли позиции на высотах фронтом на юго-запад.

Позволю себе несколько отступить от повествования для сообщения некоторых деталей обстановки того времени. Протяжённость участка фронта, который предстояло защищать полкам дивизии моряков от наступающего противника, вероятно, была очень большой. Я говорю «вероятно» потому, что в то время мне как рядовому бойцу не были известны пункты расположения всех полков морской дивизии на фронте. Эта неясность остаётся и в наше время, так как в современных печатных и официальных и неофициальных трудах почти ничего нет или имеются очень скудные сведения о боевой деятельности морской экспедиционной дивизии на Врангелевском фронте в 1920 году.

Черноморский полк, заняв позиции на холмах у села Андреевка, насколько возможно окопался индивидуальными окопчиками. Устраиваясь на позициях, командиры и бойцы хорошо знали, что соседей слева у нас нет до самого города Бердянска, а справа в 30 километрах должен быть расположен Каспийский полк нашей дивизии. О противнике в полку никто ровным счётом не имел никаких сведений.

Я не собираюсь анализировать или критиковать правильность решений командования и действия морской дивизии, но, глядя с точки зрения сегодняшнего дня на далёкое прошедшее событие гражданской войны, следует признать факт, что при чрезмерном рассредоточении полков морской дивизии по фронту был создан редкий островной неэффективный заслон против компактно наступающих боевых частей войск Врангеля в направлении на Ростов-Дон. Вероятно, дислокация нашей морской дивизии полностью исключала взаимодействие полков. Полки, не имея надёжной связи между собой, действовали каждый самостоятельно против численно превосходящих сил противника. Наступающие войска Врангеля имели широкие возможности бить морскую дивизию по частям, то есть уничтожать

полк за полком. Такой возможностью противник незамедлительно воспользовался.

Вернёмся к рассказу.

Ясная холодная ночь. Внизу под горой затихшее, но не уснувшее село. В нём идёт тихая напряжённая жизнь прифронтового посёлка. Мы, матросы черноморского полка, на высотах в своих окопчиках, лежим на голой земле в коротких флотских бушлатах, отчаянно стынем и время от времени кто-нибудь, не выдержав холода, вскакивает на ноги, греется, извозчиковым способом, пританцовывая. Разговаривать можно только в полголоса, костры разводить категорически нельзя – противник где-то рядом. Какой противник и сколько его? Ничего не известно.

Выдвинутые вперёд на фланги охранение и дозоры доносят о том, что непрерывно слышат шум, движение колёс, ржание лошадей. Долгая осенняя ночь была полна скрытой тревоги и нарастающей опасности. Каждый боец хорошо это осознал и чувствовал приближение неотвратимой угрозы. Матросы ждали с нетерпением рассвета, чтобы воочию увидеть, с кем нам придётся встретиться.

Наконец желанный рассвет наступил. На востоке стал алеть небосвод, всё вокруг стало ясно видно. Противник сразу же дал о себе знать. Белогвардейская пехотная часть напоролась на наше боевое охранение и тотчас завязалась бурная перестрелка. Защёлкали винтовочные выстрелы и заработали с той и с другой стороны пулемёты. Все матросы в полку встрепенулись и стали готовиться к бою, но после непродолжительного шквала выстрелов всё стихло, пехота противника отошла, не ввязываясь в бой.

Окрестности снова приняли обманчивый вид. Тревожная тишина продолжалась часа два-три, а может и более. Солнце вышло из-за горизонта и стало заметно пригревать. Мы, бойцы-матросы, лёжа в окопчиках в ожидании дальнейших событий, смотрели на открывающуюся перед нами огромную панораму. Вперёд просматривалась только холмистая местность,

несколько ветряных мельниц и больше ничего. Но если посмотреть назад с занимаемых полком высот, за селом открывалась широкая степная даль до самого горизонта. На правом фланге расположения полка, в полукилометре от церкви, в открытом поле заняла позицию наша артиллерийская батарея, приданная полку. Батарея до времени молчала и вдруг начала вести сначала редкий пристрелочный огонь по невидимому нами противнику. Вскоре батарея перешла на поражение, стала стрелять беглым огнём. С первых выстрелов нашей батареи на поражение противник ответил неторопливой пристрелкой, а пристрелявшись, обрушил огонь одновременно нескольких своих батарей на нашу артиллерийскую позицию.

Гибельный финал своей артиллерийской батареи видел весь Черноморский полк, и каждый боец в душе скорбел об этом. Там, где стояла батарея на позициях, на месте её рвались снаряды, и клубился рваный чёрный дым, смешанный с пылью. Когда же рассеялся дым, и осела пыль, стало видно, что вместо орудий и зарядных ящиков валялись на земле разбросанные обломки пушек и трупы батарейцев, а по степи разбегались немногие уцелевшие люди и батарейные лошади. «Тю-тю, братцы, была батарея! - и нет её», - проговорил кто-то в наступившей тишине. Матросы, сняв бескозырки, безмолвствовали.

Ещё не улеглись волнения и не успели мы пережить и осознать гибель своей батареи, как новое явление приковало внимание всех к движению в степи. Матросы с удивлением увидели, что почти на краю степи, справа и слева в поле нашего зрения, на широкую степь неторопливо выезжали в конном строю большие массы конницы. Казалось, проходящим сотням конца не будет. Конники были с пиками. Все бойцы стали взволнованно обсуждать и гадать, что за конница вдруг появилась с нашего тыла. Кто это? Наши или белые? По линии окопов кое-где слышалось «Ура!». Некоторые матросы вскакивали на ноги, потрясали винтовками и кричали в восторге: «Братва, это же наша конница Будённого!» «Ура, конница Будённого!» Наше заблуждение рассеял появившийся верхом на худой лошадёнке командир

третьего батальона, матрос Кантошвили, который сразу же погасил все восторги и надежды короткой фразой: «Товарищи, зачѐм орѐте ура? Братушки, это нэ Будѣнный – нэт, а казаки Врангеля».

Известия для нас, моряков, были ошеломляющие и, более того, из этого следовало, что мы уже в окружении противника. Тот факт, что Черноморский полк оказался в окружении и против него действует во много раз превосходящие силы белых, мы, моряки, восприняли с великим волнением, но ни один из матросов не проявил малодушия, каждый сам в себе подавлял свой страх. Внешне матросы оставались спокойными, сосредоточенными и очень серьёзными, готовыми на всё.

Короткая пауза затишья закончилась, вновь загрели оружейные выстрелы батарей противника, которые начали пристреливать позиции нашего полка. Вскоре все высоты, занимаемые Черноморским полком, задымились едким тротильным дымом с пылью от взрывов снарядов, точно ложившихся в нашем распоряжении. В батальонах появились раненые и убитые. Матросы продолжали лежать в окопчиках под артиллерийским огнѐм и бездействовать. Ни одного выстрела с нашей стороны не последовало, так как впереди противник себя не обнаруживал, и целей для нашей стрельбы не было. Но вот по линии окопов полетела команда – «Батальонам отходить в село!» Командир нашего третьего батальона, который всё ещё находился верхом на своём «Росинанте», не успел повторить слова команды, как взлетел вместе с лошады в дымный воздух. Лошадь под ним убило, а сам комбат Кантошвили остался цел и невредим. Вскочив бодро на ноги, и стряхивая с себя комья земли, сумел ещё охрипшим голосом командовать: «Третий батальон отходи в село, забирай раненых!» Матросы, захватив раненых и убитых, скатились с высот в село. Как только мы покинули позиции, противник прекратил артиллерийский обстрел позиций полка и начал пристреливаться шрапнелью по селу. Когда наш третий батальон спустился с высот в село, там нас ждал «сюрприз» - две белогвардейские машины: броневик и грузовая машина, обложенная по

бортам мешками с песком и четырьмя пулемётами «Максим». Белогвардейцы встретили нас шквальным огнём из всех пулемётов, ранив у нас несколько бойцов.

Матросы были страшно озлоблены наглостью белогвардейцев и тем обстоятельством, что нас бьют, у нас раненые, убитые, а мы никак не можем добраться до противника. В обороняемом нами селе оказался перед нами живой во плоти враг. Матросы с остервенением кинулись к машинам, забросали их ручными гранатами. Броневи́к сразу же дал полный газ, выскочил из села и, сильно дымя, умчался к своим. Грузовая машина осталась на месте и сгорела со всем содержимом.

Спустя некоторое время к нам в третий батальон прибыл на извозничьей пролётке командир и комиссар полка. Комиссар был очень бледен и взволнован. Он сообщил нам в спокойном тоне, что нам было уже известно, то есть сложившуюся грозную обстановку полного окружения Черноморского полка, и высказал соображения командования полка о невозможности вести бой в селе, так как противник имеет мощную артиллерию, и огнём многих своих батарей разнесёт и сожжёт село, мирные жители невинно погибнут вместе с нами. Всё равно Черноморскому полку ждать помощи неоткуда, с соседними полками дивизии связи нет. А поэтому командование приняло решение полку выйти в поле и в открытую наступать с боем, прорываться на соединение с Каспийским полком. «Другого выхода у нас нет», - закончил краткую речь комиссар.

«Друзья, товарищи, братва! – обратился к нам командир полка Вавилин, - пойдём в бой на прорыв или нет?»

«О чём спрашиваешь? Не здесь же на улице села нам подыхать?»

«Даёшь прорыв!» - последовал единодушный матросский ответ.

«Тогда, братва, ждите сигнала. Все батальоны полка должны одновременно начать движение на прорыв, - продолжал Вавилин, - готовьтесь к бою. Прощайте, друзья!»

Пролётка с командиром и комиссаром покатила к штабу полка. Бойцы батальона стали готовиться к бою. Каждый матрос запасался патронами и гранатами. Снаряжали ручные гранаты по-боевому, обменивались адресами, перевязывали свои раны, пили воду. Одним словом, готовились. Всё это происходило под аккомпанемент не очень частых тревожащих высоких взрывов шрапнелей противника над улицей села. Солнце стояло близко к полудню, и было жарко и душно.

Послышался сигнал горна. Прибежал запыхавшийся связной, передал приказ комполка – выступать. Командир батальона Кантошвили вынул из деревянной кобуры свой маузер, выстрелил вверх для привлечения внимания и скомандовал: «Батальон, становись в одну шеренгу!» Подождал, когда батальон построился в одну шеренгу и подал вторую команду – «Вперёд, за мной!» Повернулся и пошёл. Батальон густой цепью двинулся за ним неторопливым шагом через сады, огороды из села навстречу с врагом. Все три батальона полка почти одновременно вышли из села тремя отдельными цепями в открытое поле.

Увидев нас, враг сразу же пришёл в движение. Многочисленные сотни казаков рысью стали рассыпаться в цепь, охватывая Черноморский полк моряков полукольцом на расстоянии полутора километров. Батареи противника после короткой пристрелки обрушили на Черноморский полк всю мощь губительного огня многих батарей.

Всё пространство среди нас и вокруг нас покрылось сплошными взрывами. Огонь слепил глаза, гром разрывов глушил, с воем разлетались осколки рваной стали, калеча и убивая на своём пути всё живое и вороша уже мёртвое. Дым и пыль заслонили от нас весь видимый мир. Бешеный шквал снарядов придавил полк к земле. Матросы не сразу почувствовали момент, когда артиллерия противника прекратила огонь. Облака дыма и пыли ещё клубились над полем, когда каждый из нас слышал нарастающий гул иного характера, чем взрывы снарядов, и мы поняли, что на наш Черноморский полк быстро катится лава конницы белоказаров. Дробный топот тысячи

конских копыт сливался в сплошной глухой гул. Рёв, визг, крики подаваемых команд, тяжкая матерщина белоказаков стали отчётливо доходить до нашего слуха. И наконец, среди пыльного воздуха мы увидели атакующую конницу, которая с дикими воплями неслась на нас сплошным неудержимым валом, блестя клинками и выставив вперёд пики. Вместе с клубами пыли на нас дохнула горячая волна, насыщенная запахами конского, людского пота и кожи. Казалось ещё несколько десятков шагов, несколько мгновений и эта страшная живая лавина, угрожающая нам смертью, уничтожит и втопчет нас в землю. Но этого не произошло.

Мы преодолели в себе страх беспомощного волнения, когда лежали на земле под уничтожающем артиллерийским огнём противника.

Теперь полк был на ногах и, чувствуя локоть друг друга, был готов к боевым действиям. Белоказаков встретили очень дружными залпами из винтовок и огнём из уцелевших пулемётов. Били противника с азартом, в упор, без промаха, и в довершение в ход были пущены ручные гранаты. Черноморский полк, стоя на месте, энергичным дисциплинированным винтовочным и пулемётным огнём добился результатов, которые превзошли все наши ожидания.

Перед полком выросли валы из убитых и раненых лошадей и белоказаков. Конная атака врангелевцев была с ходу застопорена, остановилась и, неся большие потери, белоказаки галопом понеслись, молча, обратно врассыпную. Матросы преследовали их огнём. Легкораненые спешенные казаки пытались бежать за отступающими своими частями и гибли под нашим огнём.

Но урон, нанесённый полком моряков белоказакам в момент их конной атаки, не компенсировал наших катастрофических потерь. В короткую паузу после конной атаки мы огляделись и увидели то, от чего наши сердца наполнились горечью. Боеспособных бойцов матросов осталось мало и слишком много чёрных фигур в матросских бушлатах были распластаны на

земле, изувечены или убиты артиллерийским огнём врага и конной атакой. Неравный для нас бой шёл на истребление полка.

Продолжала работать артиллерия противника, а после коротких, но эффективных артиллерийских налётов, следовали шумные, но вялые конные атаки. Противник явно опасался бросаться в повторную настоящую атаку, выжидал.

Белоказаки подъезжали к агонизирующему полку моряков не ближе, чем на пятьсот метров, и быстро отъезжали на рысях, как только замечали, что мы начинаем группироваться. Матросы даже не стреляли по противнику на такой дистанции, экономя патроны.

Сколько было ложных атак и как долго продолжались артиллерийские налёты, трудно судить, во всяком случае, надо полагать, артиллерийские налёты не были по времени продолжительными. В ходе боя противник неоднократно прибегал к расстрелу беглым артиллерийским огнём быстро таящие батальоны моряков

Продemonстрировав несколько ложных атак, белоказаки повторили настоящую атаку. Врубились в редкие цепи моряков, и всё смешалось в адовом хороводе. Матросы старались группироваться и отбиваться сообща. Где уже не было возможности объединяться в плотные группы, одиночки объединялись по два, по три человека, становились спиной друг к другу и оборонялись всем, чем могли — винтовками, ручными гранатами. Запомнилось, как среди хаоса звуков резко выделялся чей-то хриплый бас, который орал во всю силу лёгких для поощрения своих казаков, повторяя одну и ту же фразу: «Казачки-станичники, руби в капусту матросов, руби их чертей красных!» Станичники и калмыки, которых было много в рядах казачьих частей Врангеля, старались во всю, рубили и топтали конями нашего брата матроса нещадно.

К концу боя небольшая группа матросов в несколько десятков человек — всё, что, осталось от полка боеспособного, - залегли в неглубоком овражке и пока были патроны, отстреливались.

Белоказаки оставшейся группой моряков не интересовались, предоставив расправляться с ней своей пехоте. Сами же белоказаки и калмыки занялись мародёрством и расседловкой убитых коней.

Пехота белых пулемётным и винтовочным огнём с двух флангов прошла свинцом всё пространство оврага и уничтожила последний очаг сопротивления матросов.

День клонился к вечеру. Когда Черноморский полк моряков перестал существовать, с ним всё было покончено.

Пехотная часть белых собрала с поля боя всех раненых матросов, способных ходить, стоять, пригнала около сотни окровавленных людей в село и выстроила их на площади у церкви для обозрения начальства.

Население села всё присутствовало на площади и открыто выражало свои симпатии израненным матросам, которые, стоя молча, ожидали своей участи. Прибыл генерал в окружении большой свиты белых офицеров и стал с интересом рассматривать матросов. Наконец, генерал не выдержал и обратился к морякам с такой речью: «Что же вы, сукины сыны, дрались, как львы? За кого? За что дрались? Вы же православные, все были крещённые и своих же русских людей убивали! И сколько же набили – всё поле усеяли ими, а скольких лошадей истребили!? Чёрт бы вас побрал!».

Махнув рукой, генерал сел на подведённого ему коня, за генералом последовали все остальные офицеры, и кавалькада удалилась на рысях в поле за уходящими белыми воинскими частями.

Конвойная часть белых распорядилась судьбой матросов. Всех, ослабевших от потери крови и не могущих идти, расстреляли на месте, а остальных угнали с собой. Судьба их неизвестна. Как неизвестна судьба полкового медицинского отряда – врача-хирурга и трёх медсестёр.

В заключение следует сказать несколько слов о боевой деятельности Морской дивизии в целом. Насколько мне известно из рассказов очевидцев, участников боёв, матросов из других полков, в то время против Морской

дивизии действовал Второй Донской казачий корпус белых с приданными неизвестными пехотными частями. Черноморский полк первым принял удар конного белоказачьего корпуса врангелевцев и в неравном бою погиб.

Все полки Морской дивизии дрались с Врангелевским конным корпусом в том стиле, что и Черноморский полк, то есть беспощадно, насмерть.

С середины сентября в течение четырёх недель Морская дивизия вела ожесточённые бои с противником. В этих боях все пять полков Морской дивизии погибли. Но и Второй Донской корпус врангелевцев был полностью разгромлен и истреблён. После разгрома Врангеля и взятия Крыма война была окончена.

Для отправки на Черноморский флот из матросов, возвращающихся из госпиталей, были сформированы – один флотский специальный батальон в городе Таганроге и одна спецрота в городе Ростов на Дону. И это всё, что осталось в живых от пяти полков бывшей Морской дивизии моряков.

Военные моряки не были ангелами, но всегда и везде оставались преданными людьми революции. Матросы Морской экспедиционной дивизии отдали свои жизни за Советскую власть и с честью выполнили боевую задачу на Врангелевском фронте в 1920 году.

Рядовой боец матрос Черноморского полка Сергей Сергеев
(Капитан 1-ого ранга С.М. Сергеев. 1977 год)

Шубик

Я ведь отставной моряк, море для моряка – сладкая мечта и суровая реальность, не отпускает никогда. Но бывало и так, что морякам выпадает сухопутная служба. Так было и со мной в годы революции и Гражданки: воевал на суше, были сформированы такие полки из матросиков. Воевал, холодал, голодал, был в плену – время очень трудное было, и среди всех этих перипетий я заболел тифом. Сыпняк косил тогда многих.

Но мне повезло: отец узнал про меня от своего друга и взялся выхаживать – удалось выжить. А было мне лет 19.

А пока я был не годен к службе, мы с отцом жили в районе озера Валдай – скрывались там. Нашли жильё – полу шалаш. Вместе с жильём нам достался чудный пёс, звали его Шубик – презанятное существо! На первый взгляд, он выглядел грозно: большая лохматая голова, широкая спина, чёрная густая шерсть. Но, когда он вставал на свои короткие крепкие лапы, оказывался всего на локоть выше земли, и сразу переставал быть страшным.

Мы сразу подружились и всегда были вместе. Даже когда я брал старую шлюпку, Шубик, радостно повизгивая, прыгал в неё, и мы шли с ним по Валдайскому простору, подгоняемые свежим ветерком. На озере было три острова: Долгий, Олений и Монастырский. На последнем был действительно монастырь, старинный, довольно богатый когда-то, назывался Иверский.

Красивейшие соборы в окружении корабельных сосен, между верхушками которых – холодная синь небес, и через всё это великолепие - колокольный звон (колокола ещё не сняли).

Так вот монахи после утренней службы выставляли в монастырском садике корзины с нарезанными большими ломтями хлебом (сами пекли) и раздавали людям по куску на душу.

За хлебом выстраивалась очередь, все терпеливо ждали раздачи, а под ложечкой уже сосало от запаха хлеба, и кружилась голова.

Вот так, однажды, стою я в очереди, но монахи вдруг почему-то прекращают раздачу. Делать нечего, иду огорчённый, враз ставший особенно голодным,

назад к шлюпке, про отца я даже и не говорю. И тут замечаю, что от задней монастырской калитки выскакивает мой Шубик, а в зубах – хороший ломоть ржаного хлеба. Я обомлел и испугался за него, увидят монахи, люди – несдобровать ему, да и мне достанется. Но как-то обошлось, его не заметили. Он домчался до меня и отдал свою добычу с удивительной преданностью, светящейся в его золотых глазах. Отдал и назад ринулся. Я притаился в прибрежных кустах, жду. В этот раз он принёс пять больших ломтей хлеба – это было богатство. Шубику, конечно, тоже хорошо перепало – всё, что понадкусал – было его.

Дома отец долго смеялся, когда узнал, кто достал этот хлеб: «Если бы монахи знали, какому кудлатому «мирянину» достались их хлеба!»

В другой раз я уже поехал на остров с тайной надеждой, что и в этот раз повезёт. Я отпустил Шубика на берегу и стал ждать и приглядывать, что происходит. Низенький, юркий Шубик прошмыгнул под стены монастыря, в том месте, где стояли корзины с хлебом, ухватил ломоть и обратно.

Так, мелькая чёрной спинкой, он сделал семь «ходов», а на восьмой – раздались крики: «Держи собаку! ... Лови, бей!»

Шубик выскакивает – я его в охапку и в шлюпку, под брезент. Тут же бегут два здоровенных монаха, с палками и с руганью проносятся мимо нас, кивая приветливо мне. Мы быстрым ходом домой, Шубик лижется – на боку ссадины. Неделю мы на Монастырский не ходили, потом зарядили дожди – не каждый в такую погоду поедет – волны на озере поднимались приличные. Но нам это на руку, мы же – морские волки, что нам «озёрная волна»!

Несколько раз ездили очень удачно. Однажды Шубик притащил хлеб в мешке, видимо, монахи поняли, что пёс кого-то кормит и сами дали ему хлеб. Монахи стояли у калитки и смотрели вслед псу, и, увидев меня и убедившись в своей правоте, повернулись и медленно исчезли за монастырской оградой. И это повторялось несколько раз.

Мы с отцом сэкономили, засушили сухарей и махнули с оказией в Питер, там были мать с сестрой Катей и братишка Колька. Восторгам и радости нашим сухарям не было конца – изголодались.

Вскоре я опять ушёл на фронт. Это была короткая передышка. А монастырь, конечно, закрыли, колокола сняли, хлеб уже никто не раздавал.

А мой дружок Шубик, как писал отец, затосковал без меня, захворал, а потом вовсе пропал. Может, искал меня, а может быть, искал монастырский остров с хлебом.

Вот так это было...

Рассказ Сергеева Сергея Михайловича, записанный дословно
Машей Бабьевой, внучкой Лидии Николаевны Сергеевой.